

Средневековая Англия.

Брак юной Джоанны и Уильяма Монтегю должен был очистить запятнанную фамилию ее благородного рода. Вот только есть одно препятствие — Джоанна... уже успела выйти замуж. Ее избранником стал обыкновенный рыцарь Томас Холланд. Втайне от матери и короля они обвенчались и поклялись друг другу в вечной любви. Но разве это что-то значит для тех, кто привык жить по хладнокровному расчету? Теперь Джоанна — жена знатного Уильяма Монтегю, графиня Солсбери, приближенная к королеве, и должна отдать все на благо государства. Но никто не в силах отнять у нее любовь...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5797-9

9 786171 257979

АННА О'БРАЙЕН
КОРОЛЕВА В ТЕНИ

КОРОЛЕВА
В ТЕНИ
АННА О'БРАЙЕН

КРОЛЕВА
В ТЕНИ

ANNE O'BRIEN

The
Shadow
Queen

A Novel

АННА О'БРАЙЕН

КРОРОЛЕВА
В ТЕНИ

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111
О-23

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию:
O'Brien A. *The Shadow Queen : A Novel* / Anne O'Brien. —
London : HQ, 2017. — 560 p.

Перевод с английского *Игоря Толока*

Дизайнер обложки *Андрей Цепотан*

ISBN 978-617-12-5797-9
ISBN 978-1-84845-513-9 (англ.)

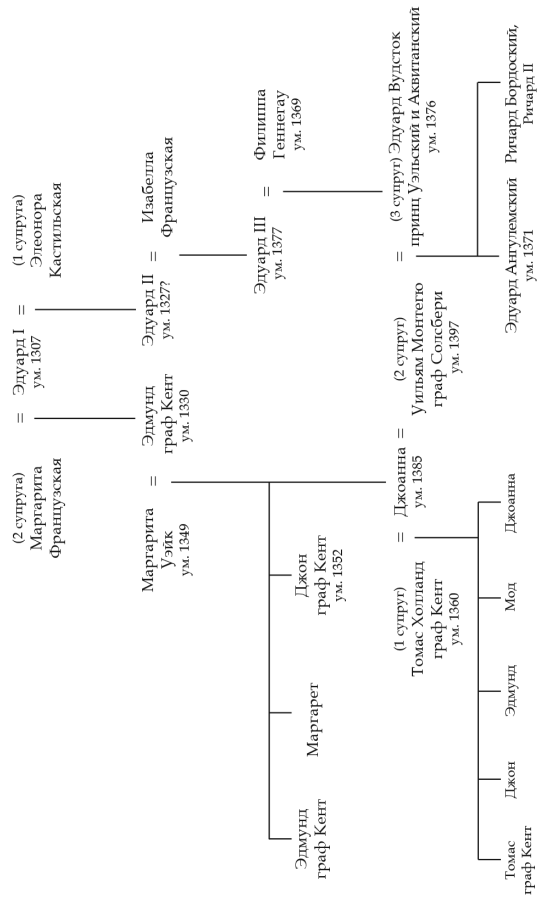
© Anne O'Brien, 2017
© DepositPhotos.com / ginasanders, Fotolit2, обложка, 2019
© Nemiro Ltd, издание на русском языке, 2019
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2019

Данный роман является художественным произведением, и все встречающиеся в нем имена, персонажи и события представляют собой плод воображения автора. Поэтому любое сходство с реальными происшествиями, местами или людьми, живыми или умершими, — чистое совпадение.

Посвящается, как всегда, Джорджу, со всей моей любовью и благодарностью за его неунывающую терпимость ко всем моим средневековым выдумкам. Его понимание образа жизни своенравной Джоанны из Кента зачастую было даже более сбалансированным, чем мое.

Так что Прекрасная Дева Кента также должна быть благодарна ему за это.

Генеалогическое древо Джоанны, графини Кент, принцессы Уэльской и Аквитанской

ПРОЛОГ

Я оценивающе смотрела на свое отражение. Взгляд моих глаз в зеркале казался смелым и уверенным.

Это зеркало я получила в подарок на свой день рождения от Филиппы, королевы Филиппы, моей кузины по линии мужа, супруги моего царственного кузена, короля Эдуарда Третьего. Хотя я уже и не припомню, чтобы мне что-то дарили по такому поводу с тех пор, как я перестала быть маленькой девочкой. Я еще подумала, что ничего не получала от матери, которая выбросила из своей и без того отягощенной памяти всякие пустяки вроде дня рождения детей. Что же касается моего отца, то ему отрубили голову: именно такая казнь назначается за государственную измену. Однако королева Филиппа помнила о моем дне рождения и отметила его таким подарком, который я очень ценила.

— Не смотришь в него слишком часто, Джоанна, — посоветовала мне Филиппа в своей доброжелательной манере, заметив, что я уже трижды заглядывала в его гладкую серебристую поверхность во время чтения наших ежедневных молитв. — Иначе это уведет твои изящные ножки не по тому пути, к тщеславию и свое нравности, а эти качества совсем не красят молодую женщину.

Вещица была очень красива: стекло в оправе из слоновой кости, а на тыльной стороне выгравированы изображения рыцаря и его дамы. Она водружала ему на шею гирлянду цветов, которая символизировала их любовь. Зеркальце было сделано так, чтобы его можно было повесить на изящную маленькую защелку у меня на поясе.

Сейчас, оставшись одна, я не торопясь подняла его, развернула к свету и принялась изучать в нем смотревшее на меня лицо.

Светлые волосы, совсем как у Пресвятой Девы на картинке в моем часослове, расчесаны, подколоты и уложены под чепец

тоже похожим образом, так что их почти не видно, но я-то знаю, как восхищаются девушки, которые за ними ухаживают. Бледная кожа без единого пятнышка или уродливой веснушки. Прямой нос. Брови, чуть более темные, чем волосы, благодаря небольшим женским уловкам красиво выгибаются дугой. Темные, как агат, глаза, в обрамлении ресниц, которым дружно завидуют все мои кузины. Грациозная шея. Это все, что я могла рассмотреть в небольшом зеркальце, но и этого достаточно. Увиденное мне понравилось.

Я — Джоанна Кентская. Прекрасная Джоанна. Мужчины поют хвалу моей красоте повсюду, где обсуждают привлекательность женщин.

— В том числе в тавернах, можно не сомневаться. — Язык принцессы Изабеллы, моей кузины, славился язвительностью. — Я бы таким не очень-то гордилась.

— Но тогда, моя дражайшая кузина, ты должна оставить свои притязания, учитывая степень моей красоты. Хотя, — продолжила я, добавив в голос снисходительные нотки, — молотый корень лилии, растертый на яичных желтках, — волшебное средство, которое помогло бы твоей коже избавиться от изъянов.

В ответ Изабелла бросила на меня сердитый взгляд, хотя на самом деле она тоже была достаточно красивой девушкой.

Остерегайся высокомерия, предупредила бы меня королева Филиппа, если бы слышала наш разговор. Ее красота заключалась не в привлекательном лице или фигуре, а в ее любящем сердце, но тогда я была еще слишком юной, чтобы понять, что прелесть плоти может быть менее ценной, чем красота души. Да и как я могла не быть тщеславной, если Господь благословил меня таким лицом и формами?

Что уготовила для меня судьба?

Все, что пожелаю, разумеется. Разве я вдобавок ко всему не королевской крови? Я слегка наклонила подбородок, любясь тем, как лучик света скользит по изящной дуге моих бровей, смягчая линию скул идеальной формы. Нужно попрактиковаться, как выглядеть по-настоящему надменной и властной. Тогда я была уверена, что это будет очень важным навыком.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Поздняя осень, 1340. Виндзорский замок

Слуга, открывший дверь в заполненную людьми залу, почтительно, но с достоинством коротко поклонился всем сразу. Мы, юные обитатели замка благородных кровей, уже привыкли к таким вторжениям и, занятые своими развлечениями, обычно просто не замечали его. Там у нас была музыка, были книги и настольные игры. Были домашние животные, которых можно было гладить и тискать. Мальчики толпились вокруг большого боевого лука со спущенной тетивой, нуждающегося в починке. Мы же с моей сестрой и кузинами занимались тем, что задрапировывали миниатюрную фигурку принцессы Изабеллы в вышитую ткань зловещего кроваво-красного цвета, которую обнаружили в одном из сундуков короля с костюмами для переодевания на праздник Богоявления.

Слуга громко прокашлялся, но это не помогло.

Мы игнорировали обращение старшего человека, который не был авторитетом ни для одного из нас. Потому что все мы, как нам внушали с детства, были самых благороднейших кровей на всей земле.

Здесь в моей компании (впрочем, точнее будет сказать, что это я была в их компании, потому что тут у нас ранг был важнее возраста) находились принцессы Изабелла и Джоанна, царственные дочери короля Эдуарда Третьего и королевы Филиппы. Напряженно склонив голову и полностью сосредоточившись на непослушной пряжке, застегивал ремни амуниции Уильям Монтегю, наследник графа Солсбери, в данный момент находящегося в тюрьме во Франции, где он попал в плен в ходе Французских войн. Наследник трона Эдуард Вудсток, энергичный темноволосый парень, сейчас довольно ловко

устанавливал на лук новую тетиву; в данный момент он должен был заниматься с учителем фехтования, оттачивая свое военное мастерство, но сбежал, чтобы поболтать о сражениях и лошадях с Уильямом Монтегю и моим братом Джоном, уже графом Кентом, несмотря на свой юный возраст. Был здесь и Лайонел, еще один принц из большой и регулярно пополняющейся семьи короля и королевы; ему пока что было всего два годика, и он, находясь под постоянным присмотром своей няньки, сейчас ковылял на шатких детских ножках за своим блистательным старшим братом.

Слуга, не смутившись отсутствием реакции с нашей стороны, — хотя от королевы Филиппы нам определенно досталось бы за это, поскольку в ее своде правил того, как должны воспитываться дети из королевской семьи, не было оправдания дурным манерам, — обвел всех нас взглядом, который остановился на мне. Я сидела на полу и подавала моей старшей сестре Маргарет булавки вместе с советами, как наилучшим образом подогнать корсет из дамаска под плоскую грудь Изабеллы.

Слуга склонился ко мне, и я подняла голову.

— У меня сообщение для вас, госпожа Джоанна. Приехала ваша мать, графиня Кент. Она желает видеть вас. Если вы сообразовываете явиться в ее комнату. — Заметив, что я не двинулась с места, а лишь подала Маргарет очередную булавку, он добавил: — Прямо сейчас, госпожа, а не тогда, когда вам будет угодно. Так будет лучше.

Значит, моя мать снова в Виндзоре, причем, очевидно, в скверном расположении духа, судя по тому, что слуга назвал ее полным титулом, а не просто леди Маргарита, как обычно. Моя мать много путешествовала, так что виделись мы с ней мало. Но почему она вызывает именно меня из трех своих отпрысков? Нет, дело тут не в политике — на это она не стала бы тратить время. Нравом моей матери правили разочарование и перенесенные унижения в связи с отсутствием мужа, почившего такой ужасной кончиной.

Поэтому я встала и сунула плоску с булавками Маргарет в руки. Изабелла, подгоняемая любопытством, тут же бросила свое занятие и, волоча за собой шлейф бархатистой ткани, по-

шла за мной к двери. Но, поскольку я не замедлила свой шаг, она дернула меня за рукав.

— Как думаешь, чего она хочет? — Изабелла, которая была на четыре года младше меня, считалась не по годам развитой девочкой. — Ты что, в чем-то согрешила? Если это так, я об этом ничего не знаю. — Глаза ее жадно заблестели в ожидании какой-то тайны. — Расскажи мне!

Но я не собиралась пересказывать Изабелле какие-то застарелые сплетни.

— Скоро узнаю, — рассеянно ответила я.

Я быстро оглядела свой сюрко¹, одернула его и поправила рукава платья под ним. Сегодня утром я одевалась довольно небрежно, да и потом еще сидела на полу, отчего мои юбки были смяты. Моя мать придавала большое значение внешнему виду и в этих вопросах была нетерпима. А если я в чем-то провинилась, было бы лучше не злить ее еще и по этому поводу.

— Погоди-ка. — Восприняв мой отрывистый ответ как нормальную реакцию в данных обстоятельствах, Изабелла, протянув руку, поправила мой чепец, подоткнула под него волосы так, что их вообще не стало видно, после чего, в качестве последнего штриха, убрала с моего лифа шерсть серого котенка. — Уже получше, хотя краснеть тебе не идет.

— Да, но тебе эта кроваво-красная ткань идет еще меньше, кузина. — Она вдруг замерла и уставилась на меня, задумчиво поджав губы. — Что?

— А ты ходила к мессе сегодня утром?

— Нет. — Она и без меня отлично знала это.

— Тогда тебе может пригодиться вот это.

Отбросив в сторону дорогой дамаск, так что ткань упала на пол бесформенной кучей, Изабелла отцепила от корсажа своего платья маленький сосуд-реликварий, украшенный драгоценными камнями; эта вещица была слишком дорогой, чтобы ее могла носить такая юная девушка, но Изабелла настояла на

¹ Сюрко — вошедший в обиход с XIII века вид женской одежды без рукавов с гипертрофированными вырезами для рук, от плеч до пояса. (*Здесь и далее прим. перев., если не указано иное.*)

своим, ибо могла себе это позволить. Это был ее личный реликварий, его подарил ей при рождении отец, потакавший ее капризам и не видевший ничего плохого в ее равнодушии. Внутри него хранились слезы самой Пресвятой Девы Марии — мы все это хорошо знали, потому что принцесса часто напоминала об этом, чтобы произвести впечатление.

Лицо Изабеллы сияло от задуманного.

— Думаю, ты должна надеть его.

— Это большая честь для меня.

И это было правдой. Изабелла никогда не расставалась со своими вещами по доброй воле. А здесь она прицепила реликварий на мой корсаж, где он впечатляюще блестел золотом при каждом моем движении.

— Но зачем мне понадобится символ такого могущества? — спросила я.

— Он уберезит тебя от греха.

— Но я не совершала ничего такого.

— Да, но твоя благородная мать может подумать иначе.

И верно, может. Я поцеловала Изабеллу в щеку.

— Но относись к этой вещи очень бережно, — предупредила она меня. — Я заберу ее, как только ваша беседа закончится.

— Быстрее, госпожа, прошу вас, — позвал меня слуга, который, тяжело дыша, все еще ждал меня возле двери.

Тем не менее, следуя за слугой в апартаменты моей матери, расположенные довольно далеко, я по пути искала возможности потянуть время. Мне не понравилось то, в какой категорической манере она вызвала меня, после того как мы с ней не виделись, если я не ошибаюсь, несколько месяцев. Она не стала бы с такой настойчивостью требовать к себе моего брата; с другой стороны, она всегда считала, что сыновья намного важнее дочерей.

Я остановилась у окна и прижалась щекой к холодному стеклу — элементу роскоши, на который король потратил целое состояние для борьбы со сквозняками. Судя по тому, что моя вуаль сейчас все-таки слегка колыхалась, мера эта оказалась не слишком успешной.

— Госпожа!

— Уже иду!

Войдя в ее комнату, я заученно присела в изящном реверансе; но, если я рассчитывала за счет этого с порога произвести на нее хорошее впечатление, мне это не удалось.

— Джоанна. Ну наконец-то.

Моя мать. Маргарита, леди Уэйк, леди Баденох, вдовствующая графиня Кентская.

Высокая и худощавая, моя мать строго придерживалась принятого ею образа вдовы. Закрытое платье было роскошным, но выдержанным в угрюмых скорбных тонах — серый, черный и темно-фиолетовый, цвет ягод осенней ежевики. Вуаль ее была украшена дорогой вышивкой, но ни единый локон не выбивался из-под строгого плата монахини, который она продолжала носить вопреки требованиям моды. Кожа вытянутого лица была шероховатой, и на нем не угадывалось ни малейшего намека на то, что она получает от жизни хоть какое-то удовольствие. Напротив, его выражение крайней серьезности с крепко сжатыми губами выглядело пугающим, особенно в сочетании с тяжелым мускусным запахом ее духов и сухим шелестом атласных юбок. Ей было чуть больше сорока, но выглядела она значительно старше своих лет.

— Я ожидала увидеть тебя еще полчаса назад.

Разумеется, это было преувеличением. Моя мать даже не прикоснулась ко мне. Королева, взявшая меня к себе на воспитание, когда мне было всего два года, и с тех пор растившая меня, обязательно обняла бы меня после такой долгой разлуки. Королева Филиппа непременно улыбнулась бы мне.

— Я пришла так скоро, как только смогла, мадам. Я занималась чтением вместе с принцессами. — Эта ложь сорвалась с моего языка легко. Я уже и раньше лгала. — Наш учитель хотел, чтобы мы узнали про житие святой Урсулы, праведной покровительницы всех юных девиц, коими являемся мы все. Двадцать первого октября мы будем отмечать ее праздник при дворе постановкой спектакля в масках. Нас похвалили за наше чтение.

Жизнь моей матери была не из легких. Кто-то мог даже сказать, что ее жизнь была полна лишений. Возможно, она заслуживала моей жалости; когда мужа женщины казнят за измену, да еще при таких позорных обстоятельствах, а она в это время, будучи на последних неделях беременности, находится

под арестом за грехи своего супруга, то тут вряд ли можно говорить о благословении Господнем. А потом еще наваливаются последствия, связанные с тем, что ее мужа объявляют предателем, и у нее отбирают все земли, титулы и привилегии. Моя мать долго жила под подозрением, потому что и в самом деле лично приложила свою руку к некоторым изменническим письмам.

Но все это было в прошлом. Хотя королевское помилование сняло с нее часть вины, оно не избавило мою мать от оставшейся в душе горечи, и с тех пор она посвятила свою жизнь восстановлению своей семьи. Цель, достойная похвалы, однако порой я испытывала по этому поводу лишь обиду.

Как сейчас, например.

— Это хорошо. Насчет святой Урсулы я одобряю, — сказала она, продолжая сидеть в своем кресле с высокой спинкой у окна, где свет падал на ее неприглядный головной убор. — Надеюсь, королева и твои гувернантки могут гордиться тобой. Ты прилежна на всех своих уроках?

— Да, мадам.

— Соблюдаешь ли ты порядок с ежедневными молитвами? Посещаешь ли мессу?

— Да, мадам.

Она встала, приблизилась и обошла меня кругом, после чего остановилась передо мной и подняла мой подбородок одним пальцем. Я не была уверена, что она мне поверила, но напрасно: ее реакция оказалась одобрительной.

— Тогда в тебе есть все, чего я хотела бы для своей дочери. Я с облегчением скромно потупила взгляд.

— Надеюсь, что так, мадам.

— Красивая девушка, хорошо воспитанная, без греха.

— Я исповедуюсь, мадам.

Чувствуя на себе приятную тяжесть могущественной реликвии Изабеллы, я молилась, чтобы мать не заметила, как мои щеки при этом виновато покраснели. И она таки не заметила, о чем свидетельствовала едва заметная улыбка на ее губах, которой она меня удостоила. Но затем эта улыбка исчезла.

— Я верю, что ты ведешь себя благопристойно и приличествующим образом, находясь при дворе в обществе молодых

рыцарей короля. И я не хотела бы, чтобы до меня дошли слухи, что твое поведение считают кокетливым, Джоанна.

— Мои манеры образцовы, мадам. Королева Филиппа даже ставит меня в пример своим дочерям, — бесцветным голосом сообщила я.

— Да, я тоже это слышала. — Графиня вернулась к своему креслу, уселась на укрывавшую его шелковую накидку и посмотрела мне прямо в глаза. Она шумно втянула воздух, и ноздри ее напряженно сузились, как случалось, когда она бывала недовольна. — Значит, я могу быть спокойна, зная, что за тобой хорошо присматривают. — Она продолжала рассматривать меня, постукивая подушечками пальцев правой руки по переплету часослова, который положила себе на колени. — Что ж, думаю, время настало.

Я продолжала молчать под ее взглядом, и моя мать, перестав стучать по книге, положила обе ладони на подлокотники кресла, вырезанные в виде свирепых зверей с оскаленными пастьями.

— Тебе пора замуж, — после непродолжительной паузы объявила она. — Твоей руки добиваются представители самых уважаемых и знатных семей.

Вот так оно и свалилось на меня, без предупреждения, без торжественных фанфар, то известие, которого я так боялась, хотя всегда знала, что для заключения семейных союзов дочери представляют огромную ценность. С самого начала предполагалось, что мы с Маргарет должны удачно выйти замуж, однако этого момента я ждала с ужасом. И вот он наступил. Я бесшумно сглотнула, не поднимая глаз выше кромки юбок матери, и графиня восприняла мое молчание как смиренное согласие.

— Я вижу, это не стало для тебя сюрпризом.

Нет, на самом деле я была удивлена, хотя, очевидно, мне удалось достаточно хорошо скрыть свои чувства. Учитывая мой юный возраст, я думала, что время еще не пришло, что эти планы будут отложены, по крайней мере, на год, а то и два. И что это будет долгая помолвка, а не сразу свадьба. Мою сестру Маргарет, которая была старше меня на год, обручили с одним важным аристократом из Гаскони, Аманье д'Альбре,

но они с ним еще даже не виделись. И пока что какими-то разговорами об их свадьбе в обозримом будущем даже не пахло.

Не замечая того, как глухо и тревожно стучит мое сердце рядом со слезами Девы Марии, моя мать продолжала:

— Ты должна была знать о планах насчет тебя. Король хочет вознаградить своего ближайшего друга графа Солсбери, который, как ни печально, по-прежнему находится в заключении во Франции и, вероятно, будет оставаться там, пока за него не заплатят выкуп. И лучшим способом для короля выказать графу Солсбери царственную благодарность за его службу короне на родине и за рубежом будет отдать его сыну руку своей кузины, носящей титул принцессы рода Плантагенетов.

Выходит, я должна выйти за Уилла Монтегю, того парнишку, который сосредоточенно возился с ремнями рыцарской амуниции. Я не смогла придумать, что тут можно сказать.

— Ты что, недовольна? — спросила вдовствующая графиня после затянувшейся паузы, и в голосе ее послышались резкие нотки.

Что еще я могла сказать, чтобы не вызвать вспышки гнева?

— Нет, мадам. Я довольна.

Это был единственный возможный вариант ответа.

— Это будет особенный альянс. Король с королевой полностью поддерживают его. Что же касается мальчика Солсбери, ты его хорошо знаешь. Так что в нашем выборе для тебя не может быть ничего такого, что тебе не понравится.

— Конечно, мадам. — Я решила, что нужно что-то сказать, дабы скрыть свое раздражение. — Уильям мне вполне нравится.

Она кивнула.

— Ты уже достаточно выросла. Ты вступишь с ним в брак, но, разумеется, будешь жить, как и жила до этого, пока вы с ним оба не станете взрослыми настолько, чтобы взять на себя ответственность за плотскую сторону супружеской жизни.

Сохраняя на лице безучастное выражение, я перевела взгляд с кромки платья матери на кончики ее туфель, богато отделанных золотом.

— В отсутствие графа мы с тобой сегодня после обеда встретимся с графиней Солсбери, чтобы подписать брачный

контракт. — Наконец она улыбнулась, а не просто слегка скривила губы, изображая улыбку. — Твой отец, Джоанна, одобрил бы этот шаг. Я провела эти переговоры в точности так, как этого пожелал бы он. — Она строго взглянула на меня, и ее удовлетворенно расслабившиеся было пальцы вновь напряженно сжались. — Тебе по-прежнему нечего мне сказать?

Нет, абсолютно нечего, что приличествовало бы ситуации. Что было бы безобидным и не поколебало бы землю у нее под ногами. Да и под моими тоже. Мысли мои путались, натыкались одна на другую, мозг лихорадочно пытался найти какие-то подходящие слова, но тщетно.

— Благодарю вас, мадам.

Моя мать вздохнула и снизила до того, чтобы продолжить объяснения.

— Уильям станет тебе стоящим мужем, — заявила она. — А союз с графом Солсбери будет крайне выгодным для нашей семьи. Он окончательно восстановит нашу разрушенную репутацию.

А я и не знала, что она была разрушена настолько, что нуждалась в восстановлении. Разве королева не любила меня так же, как своих собственных дочерей? Однако измена способна отбрасывать длинные тени, а моя мать, к несчастью, сыграла в ней немаловажную роль. Здесь действительно многое нужно было исправлять. Да, вероятно, мать заслуживала и моей жалости, и моей уступчивости.

— Да, мадам.

— А ты станешь хорошей женой.

— Да, мадам.

— Скажи своей прислуге, чтобы тебя одели для королевской аудиенции соответствующим образом. Когда придет время, я зайду за тобой.

— Да, мадам.

— А теперь можешь идти. Возможно, к нашей следующей встрече тебе все-таки удастся подобрать для меня какие-то слова благодарности и восторга в связи с твоим замужеством.

— Да, мадам. Я постараюсь.

Наконец я выбралась в коридор, чувствуя, как внутри меня поднимается тошнота. Моя мать надеялась, что я стану орудием, которое поможет снять немилость с нашей семьи и залечить раны прошлого.

Однако ее ждало разочарование.

Я была уверена, что меня ждет другая судьба, хотя многие посоветовали бы мне сразу выбросить это из головы.

Выйдя за дверь, я прислонилась спиной к холодной стене, чтобы немного прийти в себя и дать улечься охватившей меня панике. Но спокойно постоять мне не дали, потому что в дальнем конце залы в тени колонн я заметила три фигуры, будто специально выстроившиеся по росту на убывание: Уильям Монтегю из Солсбери, наследник короля Эдуард и мой брат Джон, которые последовали за мной, чтобы выяснить причину моего срочного вызова к матери. Они явно ожидали меня там, потому что сразу двинулись в мою сторону, как только я вышла. Оторвавшись от стены, я тоже пошла им навстречу с невинным, как мне хотелось думать, выражением на лице, на ходу соображая, что можно им говорить, а что нельзя.

— Что она хотела? — без всяких церемоний сразу спросил Джон.

— Ничего такого, о чем следовало бы слышать твоим маленьким ушкам, братишка, — ответила я ему, но взгляд мой в это время был прикован к потомку рода Солсбери.

Знал ли Уильям, о чем шел наш разговор? Сообщили ли ему уже, что мы с ним вскоре будем соединены священными узами брака? Очень может быть. Он не проронил ни слова, но Уильям как раз вполне способен держать свои намерения при себе. Я следила за ним сквозь полуопущенные ресницы. Вот он, человек, который, согласно планам наших родителей и короля с королевой, должен стать моим будущим мужем. Поскольку я не давала обещаний держать все в тайне, возможно, сейчас наступил подходящий момент, чтобы прокомментировать тот факт, что мы с ним волею не зависящих от нас сил и обстоятельств обречены провести свою жизнь вместе.

Все бы хорошо, вот только горло мое сковал страх, так что я буквально не могла выдавить из себя ни слова.

Зато смог Уильям, который отодвинул Джона в сторону и спросил:

— Ты сказала своей матери правду?

Я напряженно прищурила глаза.

— Тебе нет необходимости лгать мне, — продолжал он. — Я все знаю. У меня везде свои люди. Что на тебя нашло, Джонанна? Где твоё благоразумие?

Этот осуждающий тон вернул мне голос.

— Ты что, подслушивал под дверью, Уилли?

— Да.

— Под какой дверью? — Эдуард, не понимавший, что происходит между нами, мгновенно заинтересовался, и глаза его подозрительно забегали от меня к Уильяму и обратно. Джон, напротив, потерял всякий интерес и, взобравшись на скамью у окна, уселся там, обняв колени, в позе скорчившейся горгульи.

Уильям слегка подтолкнул Эдуарда локтем, игнорируя его вопрос.

— Ты должна сказать, — настойчиво продолжал он. — Ты должна сказать ей.

— Я знаю.

— Если ты не скажешь, это сделаю я.

Разумеется, я должна сказать правду. Но только тогда, когда *я сама* это решу, а не по подсказке моего суженого. На миг я представила себе, как он стоит между нашими матерями и твердым голосом рассказывает им о том, что я натворила. А также живо вообразила, как на мою голову одновременно обрушивается гнев двух взбешенных дам.

Я быстро шагнула вперед и взяла Уильяма за руку:

— Ты не посмеешь!

Но Уильям, несколько не испугавшись, сбросил мою руку.

— Не посмею? Конечно посмею. Если я этого не сделаю, каким дураком я буду выглядеть, когда все выяснится? А выяснится это обязательно.

Уильям при желании умел казаться грозным и устрашающим, несмотря на то что мы с ним были почти одного роста.

— Тсс! — зашипела я на него, потому что он фактически перешел на крик, подхваченный эхом в высоком вестибюле.

— Расскажи им сама, Джоанна, или это сделаю я.

— Рассказать им *что*? — На этот раз Эдуард не собирался отстать так просто.

— Помолчи, Нед! Ты еще слишком маленький, чтобы знать такие вещи, — сказала я.

— Это только потому, что вы мне ничего не рассказываете, — возразил он. Непробиваемая логика. Он перестал переминаться с ноги на ногу и, тут же превратившись в принца королевской крови, гордо заявил со всей надменностью потомка династии Плантагенетов: — Вы обязаны рассказать мне. Я настаиваю.

— Если Джоанна во всем признается, — объяснил Уильям, — тогда все может быть улажено и рассказывать будет не о чем.

— Хорошо, я расскажу своей матери, — согласилась я, наступая на горло чувству собственного достоинства, и еще раз так крепко сжала его руку, что он даже поморщился. — А ты откуда узнал?

— От пажа. Этот перепуганный недотепа налетел на меня, торопясь паковать доспехи своего господина, когда мы были в Генте. Я подвез его, а он оказался не в меру разговорчивым. Все болтал и болтал. Пока рот его не захлопнулся, как волчий капкан.

На меня накатила волна паники. Ну конечно. Ведь Уильям был тогда с нами в Генте.

— А этот паж еще кому-нибудь об этом говорил?

— Откуда мне знать?

Оставалось только молиться, чтобы не говорил. Я отпустила руку Уилла.

— Ты должен пообещать мне, что никому не скажешь.

Это не произвело на него должного впечатления, и он просто ушел, бросив напоследок:

— Ничего я тебе обещать не стану! — И оставил Эдуарда, который смотрел на меня с видом высокомерного непонимания.

— Ты не должна позволять Уиллу говорить с тобой таким тоном.

— Я знаю.

— Ты ведь королевской крови. Ты моя кузина.

Но мысли мои были уже далеко.

— Мой кузен — король, а не ты.

Брови Неда поползли на лоб. Ответ его был короток:

— Это практически все равно. Ты член моей семьи. И ты должна сразу сказать мне, если Уилл относится к тебе без должного уважения, которого ты заслуживаешь.

— О, я так и сделаю.

А потом его спесь разом слетела и остался лишь юноша с неоспоримым титулом, который только-только набирает свою силу.

— Я буду добр к тебе, Джанет.

— Я знаю это.

Я похлопала его по плечу. Возможно, он будет единственным, кто сохранит доброе отношение ко мне, когда все откроется.

Я пошла с ним обратно в Расписную палату. Мой брат Джон убежал вперед догонять Уильяма, который казался ему более подходящей компанией, а Эдуард, быстро забыв свое раздражение, принялся на ходу учиться махать новой саблей — отцовским подарком, с которым он не расставался. Когда мы пришли, я с облегчением заметила, что Уильяма здесь нет, как и моей сестры. Зато была Изабелла; должно быть, она о чем-то догадалась по выражению моего лица, потому что быстро обняла меня и, поглаживая пальцами драгоценный амулет, приказала своему брату уйти. Что он с важным видом и сделал, угрюмо кивнув ей.

— Ну что, сработало? Почувствовала ли ты в себе благодать Пресвятой Девы?

Я покачала головой.

— Я ничего такого не заметила. Может, я еще немного подержу ее у себя? — предложила я. — До ужина. Если ты позволишь.

Я подумала, что до конца дня мне еще понадобится помощь Пресвятой Девы Марии. Чтобы не отвечать на разные другие вопросы, я быстро удалилась в сопровождении своих служанок. Им придется хорошенько поработать надо мной, чтобы моя мать осталась довольна моим внешним видом. И они ни за что не отцепятся, прихорашивая меня и наводя всевозможный

лоск, пока я не буду сиять во всей своей красе, как новый боевой конь Неда.

Кто все мы? Кто эта растревоженная королевская семья? И кто такая я, чтобы растить меня под крылом опеки королевы, дабы потом моя мать использовала меня для восстановления нашей утраченной репутации и обеспечения нам безопасности на будущее?

Насчет моей королевской крови вопросов не возникало. Мой покойный дед Эдмунд, граф Кент, был сыном короля Эдуарда Первого от его второй жены, что делало его сводным братом злополучного короля Эдуарда Второго и дядей действующего короля Эдуарда Третьего. Так что с моим происхождением все было безупречно. Недавно я напомнила Неду, что была первой кузиной нашего нынешнего короля.

Моя мать, леди Уэйк, была менее знатного происхождения. Она была молодой вдовой, когда мой отец попросил ее руки, но его царственный брат отнесся к этому браку с неодобрением. Моя мать происходила из хорошего рода, однако тогда ее семья не обладала ни богатством, ни политическим влиянием; это была не та женщина, которую король Эдуард Второй выбрал бы для своего брата. Тем не менее мои родители поженились по любви и, будучи в конце концов вновь приняты при королевском дворе, за годы супружества произвели на свет четверых детей, одним из которых была я. Ну почему бы им просто не наслаждаться жизнью при дворе под покровительством монарха?

— А почему наш род запятнан? — спросила я как-то, когда моя мать сокрушалась по поводу королевской немилости, обрушившейся на нее и ее детей.

— Твой отец вел себя неблагоприятно, — ответила мать. — А я позволила втянуть себя в его планы, которые поставили нас на колени.

Мои родители оказались вовлечены в события, в результате которых Эдуард Второй был свергнут, власть перешла в руки графа Мортимера и королевы Изабеллы, которые уже вдвоем посадили на трон Эдуарда Третьего, ставшего марионеткой Мортимера. Мой отец, узнав, что его брат, король Эдуард, находится

в заключении далеко на западе, в замке Корф, оказался втянут в заговор, целью которого было спасти его и восстановить на престоле. Дабы выполнить свою миссию, он и написал те несчастные письма, которые в итоге попали в руки Мортимеру, а тот воспользовался случаем, чтобы навсегда избавиться от моего отца.

Отца бросили в тюрьму и, как участника заговора с целью свержения законного и полноправного короля Эдуарда Третьего, приговорили к смертной казни за измену. Новый молодой король дал согласие на казнь своего дяди, что мне в юности казалось невыносимой жестокостью, но позднее я поняла его. Ведь если бы мой отец спас старого короля, это не только грозило бы последствиями графу Мортимеру и королеве Изабелле, но и отобрало бы корону у новоиспеченного молодого короля Эдуарда. Поэтому мой отец, особа королевских кровей, был казнен под стенами Винчестерского замка еще до того, как я узнала его.

Вот так оборвалась жизнь моего отца и начались многолетние гонения на мою мать. Тень измены упала на нас всех, поскольку к некоторым заговорщическим письмам приложила руку и она. У нас отобрали титулы, конфисковали земли, драгоценности и имущество нашей матери, оставив нашу семью в плачевном состоянии. Даже когда граф Мортимер и королева Изабелла были свергнуты молодым королем Эдуардом в результате дерзкого государственного переворота, мы с нашими поместьями все равно оказались среди тех, кто оставался в милости у мстительного монарха.

Моя мать и старший брат, который в этот день навел особый лоск, подали прошение о помиловании и восстановлении в правах. Теперь, когда мой кузен Эдуард вырвался из железной хватки Мортимера, он смягчился и был склонен к великодушию. Измена матери была забыта, моя семья была прощена, нам вернули титулы и земли, но с оговоркой, что на мать возлагается опека над несколькими нашими имениями до тех пор, пока мой брат не достигнет совершеннолетия. Все остальное оставалось в цепких руках короля Эдуарда. Дети были отданы на воспитание вместе с другими отпрысками королевской крови ко двору, в Вудсток, под благосклонное покровительство

королевы Филиппы, а нашими воспитателями стали граф и графиня Солсбери.

Мучился ли молодой король угрызениями совести из-за того, что позволил казнить своего дядю? Думаю, да. Он пытался как-то исправить ситуацию, но это не могло залечить душевные раны моей матери. Она была постоянно озлоблена, переживала по поводу отказа короля полностью вернуть ей наши владения в графстве Кент и всю свою жизнь проводила в разъездах, стараясь защитить то, что ей все-таки оставили. Она постоянно недосыпала, строго надзирая за работой своих управляющих. Это была тяжелая обязанность.

Во мне же не было никакой озлобленности. Видимо, я была еще слишком юной и наивной для этого чувства. Но только не для моих амбиций. В моих жилах текла королевская кровь. И я никогда не дам королю Эдуарду повода пожалеть, что он в свое время признал, что я достойна быть его кузиной.

Какими виделись мне ближайшие годы, когда ко мне придет настоящая зрелость? Картина была смутной, окутанной туманом неопределенности. Я знала только, что останусь сама собой. Джоанной Кентской. Принцессой Джоанной. Восхитительной и с прекрасной репутацией.

Мое сознание было настроено только на это.

В два часа пополудни мы встретились в красиво расписанной и задрапированной гобеленами зале для аудиенций, чтобы официально заключить соглашение о моем браке с Уильямом Монтегю, наследным графом Солсбери. Одета по требованию матери, как для королевской аудиенции — в сюрко из дорогого атласного дамаска, перехваченный поясом с отделкой из драгоценных камней, — я вошла в комнату. Идя рядом с матерью, я на ходу оценивающе оглядывала присутствующих, которые ждали нас там, застыв в разных позах. Моя мать выдержала короткую паузу, чтобы произвести впечатление своим величественным появлением, после чего снисходительно улыбнулась и подтолкнула меня вперед. Всем своим видом она показывала, что твердо намерена держать ситуацию в своих руках и добиться необходимого ей союза с графом Солсбери, который

был старинным и самым преданным другом короля Эдуарда, причем дружба их началась задолго до того, как последний обрел корону. Солсбери стоял рядом с королем, когда они брали под стражу Роджера Мортимера, и королевская благодарность за такую преданность не знала границ.

Те, кто находился в зале, не удивили ни одну из нас. Мой дядя Томас Уэйк пришел, чтобы поддержать сестру и добавить ей внушительности в отсутствие моего отца. Была там графиня Солсбери, Кэтрин де Грандисон, представлявшая Солсбери в отсутствие мужа. Был, конечно, и Уилл, напряженно стоявший рядом со своей бабушкой, старенькой леди Элизабет Монтегю, которая при нашем появлении осталась сидеть скорее из гордости, чем из-за преклонного возраста. Присутствовал также наш семейный священник, который должен был взять на себя все формальности религиозного характера. Я с ужасом всматривалась в его благодушное улыбающееся лицо. Он даже не догадывался о том катаклизме, который вот-вот свалится на его голову, — и не только его.

Мне стало немного легче, оттого что здесь еще не было короля Эдуарда. Как и королевы Филиппы, что было бы еще хуже. Во мне, возможно, сильно развита такая черта, как упрямая непокорность, но непосредственно столкнуться с недовольством королевской четы — этому явно не позавидовал бы никто.

Я присела в реверансе перед графиней, как делала это каждый божий день, потому что она была наставницей и для меня, и для всех детей при королевском дворе. Я также сделала реверанс леди Элизабет и в ответ удостоилась едва заметного кивка из-под складок ее вуали. Бросив быстрый взгляд на Уилла, я сразу отвела глаза в сторону. На мне по-прежнему был реликварий Изабеллы; жаль только, что мне не хватало веры в действенность слез Святой Девы, которая не уберегла меня от этого брачного союза. Уилл, разодетый так же изысканно, как и я, и выглядевший очень официально в облегающей тунике до колен и куполообразной бобровой шляпе с пером, внимательно изучал собственные пальцы, сомкнутые в замок. Он умышленно даже не смотрел в мою сторону.

— Сегодня мы встретились здесь, — объявил сэр Томас, сразу беря руководство в свои руки, что так типично для настоящих Уэйков, — чтобы формально договориться о браке моей племянницы Джоанны Кентской и Уильяма Солсбери. В присутствии этих красивых молодых людей.

Я снова присела в реверансе и еще раз взглянула на Уилла, мысленно приказывая ему посмотреть на меня. Он молча поклонился, но смотреть отказался. Мы оба знали, что от нас ожидается. А тем временем по зале прокатился тихий довольный ропот и слуги, которые разливали вино в серебряные резные кубки тонкой работы, замерли в ожидании команды, когда можно будет обносить ими всех присутствующих.

— Наш повелитель король Эдуард дал свое благословение на этот брак, — заметила графиня Кэтрин, которая сейчас пересела к камину. — Как и мой супруг, *in absentia*¹. Жаль только, что с нами сейчас нет графа, но чтобы начать готовиться к свадьбе, нет необходимости дожидаться его освобождения. Мы очень хотим для нашего сына этого брака.

Затем последовало обсуждение предстоящего брака. Говорили о размере моего приданого. О юридических тонкостях. О том, когда будет объявлено о предстоящем бракосочетании и когда лучше всего провести торжественную церемонию. О том, где мы будем жить, когда будет решено, что нам с ним уже пора жить вместе как мужчине с женщиной. Целая куча всяких непростых и скучных вопросов, которые необходимо решать, когда женятся отпрыски двух знатных династий. Поскольку Рождество и Новый год были уже не за горами, наш священник высказался, что лучше всего будет устроить торжество после праздников, но до начала Великого поста, предполагающего необходимость воздержания.

Я не принимала в этом никакого участия, потому что все, что от меня требовалось, это стоять с видом смиренного достоинства. Поэтому, несмотря на то что мысли мои кружились и путались, я не позволяла ни одной из них отражаться на своем лице под пристальными взглядами, которые чувствовала на

¹ *In absentia* — *здесь*: отсутствующий (*лат.*).

себе; даже под взглядом моего будущего жениха, который наконец-то удосужился посмотреть на меня.

Тем временем дискуссия подходила к концу.

— Эти молодые люди хорошо знают друг друга. И этот счастливый союз, в который они вступают, будет чрезвычайно выгоден и для них самих, и для наших семей.

Мой дядя Томас снова убеждал нас в том, что мы и так знали. Ну что ж, дело сделано, и я почувствовала, что все с улыбками повернулись в нашу сторону.

— По крайней мере, они будут знать недостатки и провинности друг друга еще до того, как начнут супружескую жизнь, — заметила леди Элизабет. — Им можно только позавидовать. Чего нельзя сказать о моем собственном браке.

— У моего сына нет никаких недостатков и провинностей, — не согласилась со своей свекровью графиня Кэтрин. — Уильям, без сомнения, быстро укротит и острый язычок Джоанны, и ее непредсказуемый характер.

Я заметила, что Уилл, стоявший справа от меня, бросил в мою сторону взгляд, пронзительный, как у орла, что было так нетипично для столь спокойного и сдержанного юноши. Я ответила ему тем же.

— Мы устроим великолепное торжество. Возможно, к этому времени графа уже освободят, и тогда у нас будет двойной праздник. Разумеется, эту свадьбу посетят Эдуард и Филиппа, — сказала моя мать. На ее обычно едкую манеру изъясняться накладывало свой отпечаток радостное воодушевление в связи с предстоящим событием, которое совсем не соответствовало ее довольно мрачному внешнему виду.

Я увидела, что Уилл уже приоткрыл губы, а его лоб напряженно нахмурился.

Я тоже нахмурилась в ответ, хотя и понимала, что должна подчиниться его безмолвному приказу. Молчать дальше было уже нельзя.

— Нет никаких препятствий, которые могли бы помешать этому браку, так что специальное разрешение не требуется, — тихо и с удовлетворением произнес наш священник, отец Освальд, вписывая основные важные моменты в соглашение о нашей

помолвке. В аристократических кругах имелось крайне мало обрученных пар, которые за долгие годы существования их династий не были бы связаны между собой запретными родственными узами. И в таких случаях общепринятой практикой было специальное разрешение Папы на брак между родственниками — в виде исключения.

— И это очень удачно, — поморщившись, заметил мой дядя Уэйк. — Потому что нынешний обитатель папского дворца в Авиньоне славится своей велеречивостью и дороговизной услуг.

Я затаила дыхание.

Уильям нахмурился еще больше.

Прежде чем заговорить, я судорожно сглотнула.

— Есть одно препятствие, мешающее этой свадьбе.

Мое заявление, сделанное твердым и четким голосом, произвело под сводами залы тот же эффект, что и подожженная стрела, которая, взмыв над крепостной стеной осажденного замка и опустившись на соломенную крышу сарая, вызывает мгновенно вспыхнувший пожар. Это заявление, резко менявшее буквально все, неминуемо влекло на мою голову заслуженное возмездие и всеобщий гнев.

Я видела, что Уилл покраснел до корней своих рыжеватокаштановых волос. Что ж, он сам этого хотел, ему не на что жаловаться. Я сделала то, что обещала.

— Препятствие? — За все время дискуссии мой дядя Уэйк впервые неодобрительно взглянул на меня, причем с довольно глупым видом. В голосе его появились резкие нотки: — Что еще за вздор, да еще так несвоевременно? Разумеется, никаких препятствий не существует. Мы очень тщательно отследили родословные наших семейств. Между ними нет никаких родственных связей, и по части кровного родства между вами никаких проблем не имеется. — Он взглянул на графиню Кэтрин, и озабоченное выражение на его лице сменилось успокаивающей улыбкой. — Ничто не мешает заключению этого брака, и графине это хорошо известно.

— О чем ты думаешь, Джоанна? Такое проявление легкомыслия сейчас абсолютно не к месту. — Моя мать постара-

Літературно-художнє видання

О'БРАЙЄН Анна
Королева в тіні

Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губська*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 13.05.2019. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 28,56. Наклад 5500 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

О'БРАЙЄН Анна
Королева в тени

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губская*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 13.05.2019. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 28,56. Тираж 5500 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Київстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Київ

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Средневековья Англия.

Шлюб юної Джоанни та Вільяма Монтегю мав би очистити залямоване прізвище її шляхетного роду. Аж є одна перепона — Джоанна... уже встигла вийти заміж. Її обранцем став звичайний лицар Томас Голланд. Потай від матері і короля вони повінчалися і присягнули одне одному на вічне кохання. Але хіба це щось означає для тих, хто звик жити за холоднокривним розрахунком? Тепер Джоанна — дружина знатного Вільяма Монтегю, графиня Солсбері, приближена до королеви, і повинна віддати все на благо держави. Але нікому не під силу відібрати в неї кохання...

О'Брайен А.

О-23 Королева в тени : роман / Анна О'Брайен ; пер. с англ. И. Толока. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 544 с.

ISBN 978-617-12-5797-9

ISBN 978-1-84845-513-9 (англ.)

Средневековая Англия.

Брак юной Джоанны и Уильяма Монтегю должен был очистить запятнанную фамилию ее благородного рода. Вот только есть одно препятствие — Джоанна... уже успела выйти замуж. Ее избранником стал обыкновенный рыцарь Томас Холланд. Втайне от матери и короля они обвенчались и поклялись друг другу в вечной любви. Но разве это что-то значит для тех, кто привык жить по хладнокровному расчету? Теперь Джоанна — жена знатного Уильяма Монтегю, графиня Солсберри, приближенная к королеве, и должна отдать все на благо государства. Но никто не в силах отобрать у нее любовь...

УДК 821.111